

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ И ДИПЛОМАТОВ

В статье рассматриваются некоторые стороны становления российских востоковедов – специалистов по Китаю и Японии в дореволюционный период. Особенностью развития российско-китайских отношений было отсутствие «военного прецедента» – в отличие от подавляющего большинства современных государственных границ, граница между Россией и Китаем сложилась не в результате войн, а путем переговоров, благодаря дипломатическим усилиям обеих сторон¹. В этой ситуации чрезвычайно важную роль играет «человеческий фактор» – кадровая политика и осуществление подготовки всесторонних специалистов, могущих при необходимости превращаться из ученых в дипломатов, из дипломатов – в педагогов, журналистов, а также совмещать несколько функций в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Россия, Япония, Китай, востоковедное образование, подготовка востоковедов, восточные языки.

Россия и Китай: первые контакты и первые специалисты

Первая известная попытка русских проникнуть в Китай относится к 1608 г., когда томский воевода В. В. Волынский послал отряд казаков под командой Ивана Белоголова для исследования путей в страну, о которой ходили легенды. Однако вследствие отсутствия проводников и недостаточной подготовки поход сорвался на самом раннем этапе. Вторая попытка была предпринята семь лет спустя (август 1615 г.), уже при новой династии Романовых, но тоже самовольно – тобольский воевода Куракин направил отряд томских казаков (атаман В. Тюменец) в Монгольскую землю и Китай. На сей раз казаки дошли до верховьев реки Абакан (современная Республика Хакасия) и далее, где в районе озера Убсу-Нур (ныне пограничье Монгольской Народной Республики и Республики Тыва в составе РФ) они приняли присягу на верность русскому царю у местного монгольского хана, попутно собрав некоторые сведения о Китае.

Подобные «региональные инициативы» сибирских властей не нравились центральному правительству в Москве, которое специальным приговором Боярской Думы от 31 декабря 1616 г. запретило сибирякам самовольно отправлять посольства в Монголию и Китай². Желанием взять этот процесс под государственный контроль стало решение об отправке 9 мая 1618 г. из Томска новой миссии (глава И. Петелин, по другим источникам – И. Петлин), на этот раз непосредственно в Китай.

¹ Автор здесь намеренно исключает упоминание о таких инцидентах прошлого, как осада маньчжурами и китайцами крепости Албазин в XVII в., военное обострение на советско-китайской границе в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. и пр. Во всех названных случаях обе стороны прибегали к оружию, имелись жертвы, но ситуация скорее подпадала под определение вооруженного столкновения, местного конфликта, но не полномасштабной войны (правительства до последнего момента воздерживались от политических заявлений, официально войны не объявлялись, мирные договоры не заключались).

² Родина, 2004. № 10. С. 9. Повторный запрет на официальные переговоры с Китаем был наложен в 1620 г. [Там же. С. 11].

Первого сентября 1618 г. русские дипломатические представители впервые в истории вступили на территорию Пекина, где они пробыли в общей сложности почти два месяца (до 24 октября 1618 г.). Возвращаясь на родину, они везли с собой письмо императора Чжу Ицзюнь (династия Мин), которое, однако, не было прочитано в Москве вплоть до 1675 г. из-за отсутствия там переводчиков с китайского языка. Так впервые обозначилась проблема отсутствия переводчиков, знакомых с языком Поднебесной империи.

Дорожные записи И. Петелина, которые он вел в течение всей экспедиции, были впервые изданы в Англии в 1625 г. [Purchas, 1625. P. 797], и только в 1818 г. – в России³. В 1689 г. был заключен Нерчинский договор – первый договор Китая с западной державой (каковой, без сомнения, являлась для Поднебесной даже допетровская Россия), почти на двести лет опередив подобные договоры с основными европейскими государствами. Его очевидная невыгодность для России, приведшая к территориальным уступкам в Приамурье, во многом была обусловлена отсутствием у русской стороны знатоков китайского языка и обряда.

Таким образом, потребность в обученных кадрах была слишком остра, чтобы и далее оставаться нерешенной, и 18 июня 1700 г. был выпущен указ Петра I митрополиту Киевскому Варлааму Ясинскому о наборе молодых людей для изучения китайского и монгольского языков при Православной миссии в Пекине с целью распространения христианства в Китае, а также подготовки будущих драгоманов (переводчиков) для дальнейшего развития двусторонних отношений.

Первая официальная Православная миссия в составе 10 человек, включая семерых причетников (будущих первых русских обученных «китаистов»), прибыла в Пекин в январе 1716 г.⁴ Впоследствии статус русской миссии был закреплен Кяхтинским договором (1728 г.), согласно которому правительство Китая разрешило присылать каждые десять лет в Пекин миссию в составе все тех же десяти человек: архимандрита, двух иеромонахов, иеродиакона, двух причетников и четырех семинаристов, в обязанности которых, помимо официальных православных функций, входило также изучение китайского языка (этим, в частности, объясняется тот факт, что первыми специалистами-китаеводами в России стали лица духовного звания, ими же созданы первые двуязычные словари⁵). С течением времени китайский язык и вообще все китайское стало рассматриваться как базовые знания для изучения любой страны и культуры Дальнего Востока, что вызвало появление «двусоставных» отделений восточной специализации в российских университетах (китайско-монгольское, китайско-маньчжурское и пр.).

«Китайский акцент» российского японоведения

Официальная история преподавания в России японского языка и основ японской культуры почти столь же длинна, как и в случае с Китаем, но действительные результаты в течение длительного времени были более чем скромны.

Восьмого января 1702 г. в селе Преображенском произошла известная встреча Петра Великого с потерпевшим кораблекрушение у берегов Камчатки японцем Дэмбэем, которая, как принято считать, положила начало правительственному интересу к перспективе установления торговых и дипломатических отношений с Японией и заложила основы преподавания в России японского языка. В отличие от китайского, оно уже на первых порах осуществлялось сразу же носителями этого языка, каковыми являлись и полуграмотный рыбак Дэмбэй, и все последующие японцы, попадавшие в Россию аналогичным путем. Такие факторы, как политическая закрытость и географическая удаленность Японии, а главное – отсутствие реальной потребности в установлении серьезных двусторонних отношений, привели к тому, что Шко-

³ Сибирский вестник, 1818. Ч. 2. С. 1–36.

⁴ Фактически в Пекине уже с середины 1680-х гг. существовала небольшая русская колония, при которой был построен и в 1695 г. освящен храм св. Софии.

⁵ Показательно, что и в начале XX в. тогдашний ведущий японовед Восточного института Е. Г. Спальвин (в прошлом – выпускник Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду), составляя списки книг, необходимых для приобретения в институтскую библиотеку, в числе важнейших учебных пособий специально указал словари и другие издания Пекинской Духовной миссии [Еланцева, 2007. С. 107].

ла японского языка, открытая в Петербурге в соответствии с приказом Петра ⁶, просуществовав более ста лет, в 1816 г. закрылась ⁷ как не оправдавшая надежд. Положение начало меняться только на рубеже XIX–XX вв. – и не в столице, а на далекой периферии.

Перед открывшимся 21 октября 1899 г. во Владивостоке Восточным институтом стояла задача «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств», для чего наряду с преподаванием живых языков стран Дальнего Востока здесь впервые ставилась задача подготовки всесторонних специалистов по этим странам [Полное Собрание..., 1902. С. 18]. При этом язык как таковой не являлся единственным приоритетом. Так, в Петербургском университете японский язык к тому времени уже преподавался (с 1888 г. ⁸), но факультативно, по желанию студентов и без должного усердия (и без достаточной квалификации) преподавателей; обязательным же предметом он стал только в 1908 г. ⁹ В то же время в Петербурге существовала давняя и хорошая традиция изучения других восточных языков, в частности китайского и монгольского, и первыми российскими японоведами (в свою очередь подготовившими несколько лет спустя первый «дипломированный» выпуск Восточного института) были фактические китаеведы, окончившие Восточный факультет Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду: Е. Г. Спальвин и Д. М. Позднеев.

Очевидно, что подобное «многочленное» строение отделений Восточного факультета в Петербурге оказало определенное влияние на новый Восточный институт, где уже после первого (общеобразовательного) курса существовало разделение на самостоятельные китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское и китайско-монгольское отделения, и три последующих года шла фактическая специализация, при сохранении китайского элемента в качестве базового (с точки зрения происхождения языков и культур региона).

Китайский язык играл в институте роль своеобразной «латыни Дальнего Востока», и детальное ознакомление с Китаем и китайскими реалиями являлось обязательным условием для всех студентов независимо от языка дальнейшей специализации. Общие для всех отделений предметы включали также английский язык (по желанию – еще и французский), богословие, курсы общей и коммерческой географии, этнографии, политической и новейшей истории стран Восточной Азии, государственное устройство России и ведущих стран Европы, международное гражданское и торговое право, историю Дальнего Востока, политэкономия, счетоводство, товароведение. Среди специальных предметов японоведы, к примеру, изучали обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности Японии. Для совершенствования изучаемых языков студенты в период летних каникул направлялись в соответствующие страны. При этом если преподаватель должен был посещать изучаемую им страну не реже одного раза в три года, то для студентов возможность проведения самостоятельных исследований во время каникулярных командировок была предусмотрена уже после первого курса [ДВГУ, 1999. С. 15, 20, 24]. Это было логично: срок обучения составлял всего четыре года, а дальнейшее прохождение карьеры зависело от множества факторов, далеко не всегда благоприятных к бывшим студентам. Интересно, что уже на втором курсе студенты и слушатели японского отделения должны были уметь читать японские газеты и журналы, разбираться в скорописи, вести разговор на бытовые темы, а ко времени окончания последнего, 4-го курса, владеть иероглификой в объеме до 3 000 знаков, переводить военно-политические статьи, составлять деловые бумаги, знать основы частной и официальной переписки [Там же. С. 28].

⁶ В действительности приказ Петра касался одного Дэмбэя, от которого ожидали, что он сможет обучить своему языку «пять-шесть робят». Собственно «школа» была открыта уже в эпоху Анны Иоанновны в 1736 г.

⁷ В Иркутске, куда школа была переведена уже по распоряжению Елизаветы Петровны, в 1754 г.

⁸ По другим данным – с 1870 г. Японский язык преподавался студентам 3–4-х курсов китайско-маньчжурско-монгольского разряда Петербургского университета. Петербург стал третьим местом в Европе, где ввели обучение японскому языку (после Парижа и Вены) [Еланцева, 2007. С. 61].

⁹ Этим, в частности, объясняется тот факт, что во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Петербургский университет не смог дать армии ни одного переводчика-япониста, несмотря на наличие там кафедры японской словесности уже в 1898 г.

Даже беглый взгляд на перечень предметов и в особенности на требования, предъявлявшиеся к объему знаний выпускников-японистов, заставляет, с одной стороны, усомниться в реальном усвоении ими всего перечисленного (поскольку указанные выше нормы существенно превышают те, которые практикуются в настоящее время для выпускников востоковедческих факультетов российских университетов), а с другой стороны – заставляют задуматься о возможных способах достижения этих знаний. Думается, что не последнюю роль в этом играло изучение китайского языка и культуры, особенно если речь идет об усвоении иероглифики, скорописи, работе с текстом и т. д.

Стоит отметить и еще один важный момент: необходимость в специалистах по Японии и Корее во многом возникла в связи с внезапной (как для большинства современников, так во многом и для самой русской администрации) активизацией российской внешней политики в Дальневосточном регионе. Потребность в маньчжуроведах и даже монголооведах была, скорее всего, на деле не столь велика, да и сами эти языки не представлялись в то время чрезмерно важными и трудными для усвоения. Но никто не сомневался в важности, как экономической, так и политической, для России китайского соседства, и последовательная подготовка специалистов по «меньшим» языкам / странам позволяла в случае необходимости быстро перепрофилировать нужное количество монголо-, маньчжуро-, японо- и корееведов на китайскую тематику.

Это предположение автора статьи отчасти подтверждается как местами последующей службы офицеров-слушателей Восточного института (вне зависимости от отделения основной специализации), так и беглым обзором научных и популярных работ, опубликованных выпускниками разных отделений Восточного института в последующие годы [Русские военные востоковеды..., 2005]. Однако вызывает удивление отсутствие в Восточном институте собственно китайской специализации, т. е. подготовки узкопрофессиональных Китаистов, без последующего перехода на какой-либо другой язык¹⁰. Очевидно, это было вызвано как сомнениями в отношении политической будущности самого китайского государства в тот период, так и сугубо утилитарными задачами, стоявшими перед российской администрацией на Дальнем Востоке (взаимодействие с маньчжурской верхушкой континентального Китая, стремление проникнуть в глубь Корейского полуострова, зарождающиеся контакты с Японией и транзит через Монгольскую территорию обуславливали повышенный интерес к соответствующим языкам и культурам). Таким образом, отказывая Китаю в рассмотрении его как равноправного партнера, российская сторона признавала важность изучения Китая и китайского языка для освоения восточных окраин и закрепления на берегах Тихого океана.

В то же время процесс обучения двум восточным языкам был крайне сложен как из-за чисто языковых трудностей (по сути, объединяющим моментом у всех названных выше языков была только китайская иероглифика, к тому же не столь обязательная для практического применения у монголо- и маньчжуроведов), так и за отсутствием должного опыта у преподавателей, и недостаточным уровнем общей подготовленности большинства студентов и слушателей.

Результатом накопившихся противоречий стало обращение директора Восточного института А. В. Рудакова в марте 1911 г. к приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти по вопросу о необходимых изменениях в учебных планах института, составленное на основании восьми докладных записок, составленных его тогдашними преподавателями, считавшими подобный метод нерациональным. В качестве главной причины указывалось, что студенты не успевают усваивать учебный материал, и в получаемых ими знаниях образуются существенные пробелы [Еланцева, 2007. С. 25]. Результатом стали изменения в учебных программах института, выразившиеся в неосуществленной по ряду причин попытке введения новой, японо-корейской специализации (взамен китайско-корейской и китайско-японской), и постепенном изъятии «китайского компонента» из процесса обучения другим языкам [Там же. С. 26]. Процесс этот завершился в 1920-х гг., и с тех пор вузы России избегают вводить в

¹⁰ Следует отметить, что именно введением преподавания китайского языка в местной мужской гимназии в 1895 г. началось изучение восточных языков во Владивостоке [Еланцева, 2007. С. 132].

свои учебные программы преподавание двух и более дальневосточных языков в рамках профессиональной специализации студентов¹¹.

Дипломаты и военные

Царская Россия в начале XX в. в период наибольшей активизации своей дипломатической деятельности на Дальнем Востоке имела, помимо миссий в Пекине (с 1861 г.), Токио (с 1908 г. – в ранге посольства) и Сеуле (с 1885 г.), также множество консульств и консульских пунктов, а именно: 24 – на территории Циньского Китая¹² (из них 5 – в провинции Синьцзян и 8 – в Маньчжурии), 4 – в Монголии (также бывшей тогда в формальном подчинении Циньской империи)¹³, 5 – в Корее и 5 – в Японии (при этом консульства в Корее оказались переподчинены посольству России в Токио с момента включения Кореи в состав Японской империи согласно Акту о присоединении Кореи от 1910 г.).

Согласно подсчетам американского исследователя Дж. Ленсена, всего на Дальнем Востоке в период с 1858 (заключение Айгуньского договора с Китаем, установившего границу по р. Амур) по 1924 г. (последний год работы «старого» посольства в Токио с последующим признанием Советского правительства всеми странами региона) в странах Дальнего Востока прослужил 331 русский дипломат (включая гражданских и военных представителей), из которых более половины работали в различных районах Китая и Монголии, около 20 % – в Японии и около 15 % – в двух и более странах [Lensen, 1968. Р. 3–8]. Из 331 дипломата 85 человек (т. е. почти каждый четвертый) прослужили на Дальнем Востоке десять и более лет.

Применительно к Китаю из 15 полномочных представителей, посланников и чрезвычайных посланников России (включая адмирала графа Е. В. Путятина, заключившего Пекинский договор 1860 г.) только шестеро до назначения в эту страну не имели опыта работы в Восточной Азии; прочие либо знакомились с этой страной в качестве языковых стажеров, либо успели пробить какое-то время на низших должностях в Китае, Японии или Корее и тем самым подготовиться в достаточно широком историко-культурном плане к занятию новой должности.

В противоположность этому из десятка русских посланников и послов в Японии за тот же период только двое – Р. Р. Розен и В. Н. Крупенский – имели опыт предшествующей работы на Востоке (в Японии и Китае, соответственно)¹⁴. Именно они оказались в итоге наиболее признаны с точки зрения профессионального авторитета как в глазах своего начальства, так и японских властей: Р. Р. Розен участвовал в Портсмутской мирной конференции 1905 г. в качестве второго официального представителя России (первым был назначен будущий граф С. Ю. Витте), а В. Н. Крупенский (назначен послом в Японию в 1916 г.), по некоторым данным, даже успел побыть некоторое время дуайеном всего дипломатического корпуса в Токио, перед тем как в 1921 г. покинул страну.

Следует также отметить, что многие российские дипломаты, служившие в Японии, попадали туда через Китай, пройдя там стажировку либо прослужив некоторое время в одном из российских представительств и благодаря такой «обработке» китайской средой как бы освоившись в Азии [Русские военные востоковеды..., 2005].

¹¹ Исключения касаются факультативного, ознакомительного введения второго восточного языка, который в любом случае не становится обязательным предметом с дифференцированной итоговой оценкой. В ряде университетов в рамках изучения японского языка существует курс «камбун» либо «бунго», в рамках которого студенты знакомятся со старописьменными формами, узнают историю китайской иероглифики и пр. Однако малое количество отводимых на эти предметы учебных часов и достаточно формальное преподавание не приводят в итоге к существенным результатам.

¹² Консульство в Дайрене, находясь формально на китайской территории, подчинялось посольству в Токио.

¹³ Территория тогдашней Монголии не в полной мере совпадает с современными границами Монгольской Народной Республики, частично включая земли автономной Внутренней Монголии в составе Китая.

¹⁴ При этом Р. Р. Розен в перерывах между тремя своими назначениями в Японию успел прослужить несколько лет в различных странах Запада, включая Мексику (где он оказался первым русским дипломатом), став к концу службы одним из наиболее опытных дипломатов дореволюционной России.

По выражению одного из таких дипломатов, знакомых с жизнью и работой в обеих названных странах, Д. И. Абрикосова¹⁵, ставшего последним (после отъезда В. Н. Крупенского осенью 1921 г.) представителем «старой России» в Японии, признаваемым местными властями и проведенным на Востоке в общей сложности свыше тридцати лет (1912–1913, 1916–1946), «русские отчего-то чувствуют себя в Китае более по-свойски», чем в Японии¹⁶.

Нужен ли сейчас китайский язык японоведам?

В процессе работы автор провел опрос ряда своих коллег-востоковедов, живущих и работающих в течение десяти и более лет в различных районах Японии (9 человек, включая самого автора) и России (3 человека), на предмет отношения их к китайскому языку с точки зрения его теоретической важности и практической необходимости для профессиональных японоведов.

Опрошенные 12 человек являются выпускниками пяти университетов из пяти регионов России – Петербург, Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток – и, таким образом, представляют разные школы преподавания восточных языков. Среди них наблюдается как определенная преемственность традиций (Петербург – Владивосток), так и совершенная самостоятельность подхода к преподаванию японского языка (Новосибирск и Екатеринбург, из которых последний представляет самую молодую школу подготовки востоковедов из принявших участие в опросе).

В состав респондентов вошли 10 японоведов (из которых 9 человек в настоящее время живут и работают в Японии) и два китаеведа (оба живут и работают в России). Период обучения респондентов охватывает 45 лет (1953–1997), срок обучения каждого – 5 лет, срок обучения профилирующему языку – 5 лет. Помимо этого китаеведы изучали японский язык как второй восточный (2 чел., срок обучения 2 года); японоведы – китайский язык как второй восточный (3 чел., срок обучения 2 года). При этом письменный язык *бунго* изучался как замена китайскому языку в качестве второго восточного (3 чел., срок обучения 1 год, включая занятия по предмету *камбун*); не имели второго восточного языка 4 чел.

Относительно необходимости и важности преподавания китайского языка студентам-японоведам получены ответы (включая ответы китаеведов): «нужен» – 6, «не нужен» – 1, «нужен с оговорками» – 5 (интересно, что практически все оговорки относятся к категории: «может быть, всем этот язык и не обязательно изучать, но лично мне он в дальнейшем оказался нужен» (3 ответа), либо как вариант: «нужен тем, кто собирается заниматься наукой, а не практической деятельностью» (1 ответ). Также один из полученных ответов оставляет открытым вопрос необходимости изучения второго восточного языка («не знаю, нужен ли он»), но одновременно признается, что «культура и философия Китая – нужны»). При этом полностью отрицательный ответ получен от японоведа, не изучавшего в прошлом китайский язык ни в какой форме, включая *бунго* / *камбун*.

Не претендуя на абсолютный характер полученных результатов, можно констатировать определенную тенденцию осознания японоведами важности изучения китайского языка и культуры по мере вхождения в свою профессиональную деятельность. К сожалению, существующая в настоящее время в России система преподавания восточных языков не предполагает сколько-нибудь серьезного изучения японоведами китайского языка как «второго восточного» («вторым иностранным языком» обычно является английский, кроме случаев, когда второй язык вообще не предусмотрен учебной программой).

Вместо заключения

Четвертого ноября 2008 г. в Шанхае прошел Международный симпозиум «300 лет преподавания русского языка в Китае». Более 200 специалистов в области преподавания русского языка рассмотрели итоги развития процесса обучения русскому языку в Китае за 300 лет,

¹⁵ О нем см.: [Подалко, 2004. С. 170–200].

¹⁶ Дословно: «...Russians generally feel more at home in China» (цит. по манускрипту мемуаров Д. И. Абрикосова, копия которого получена автором от В. Ф. Морозова).

оценили его ближайшие перспективы с точки зрения потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня. При этом участники отметили, что в китайских вузах постоянно расширяются масштабы приема абитуриентов на русские отделения, что чрезвычайно показательно с точки зрения реального спроса и предложения. Особенным вниманием были отмечены на симпозиуме методы подготовки квалифицированных русистов с целью удовлетворения потребностей дипломатии, внешнеторговых контактов и различного рода программ в сфере международных обменов¹⁷.

В тот же день (4 ноября 2008 г.) в Японии, в г. Хакодате на территории местного филиала Дальневосточного государственного университета открылся «Русский центр» – первый в Японии и одиннадцатый по счету среди подобных центров, создаваемых в рамках международного культурного проекта под эгидой фонда «Русский мир» на территории России и в зарубежных странах¹⁸.

Думается, что несоизмеримость масштабов двух вышеназванных мероприятий (несмотря на совпадение дат и некоторое внешнее сходство тематики) является достаточно типичным примером разности масштабов явления и событий, которая возникает почти всегда, если речь заходит о России, с одной стороны, и Китае и Японии (как объектах сравнений) – с другой.

Приведем еще несколько примеров. В 1977 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР в честь 10-летия МАПРЯЛ (Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы) учредила медаль имени А. С. Пушкина для вручения российским и зарубежным общественным и государственным деятелям, ученым, педагогам, внесшим значительный вклад в распространение русского языка, литературы и – как результат последнего – русской культуры в зарубежных странах. Ежегодно присуждается не более 10 медалей (первое награждение состоялось в Берлине летом 1979 г.). В последние годы все большее количество этой и подобных наград уезжают в КНР; так, в 2008 г. медаль получили 4 китайских русиста, в том числе директор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков Ши Тэцян и директор Института русского языка университета Хэйлунцзян, Ван Миньюй. Все это является подтверждением возрастания интереса к изучению русского языка, истории и культуры России, начавшегося в Китае с середины 1980-х гг.

На волне интереса к России появилось много новых учебных пособий, создаваемых с учетом изменений, происходящих в мире. Так, в 1986 г. был выпущен учебник «Страноведение Советского Союза» (редактор Ли Миньбинь, профессор Пекинского ун-та), а в 1996 г. – «Курс лингвострановедения» (редактор Тань Линь, профессор ун-та Цзилин). Готовятся и другие пособия и учебники. Думается, что настало время и России откликнуться на этот интерес южного соседа соответствующим вниманием к его языку и культуре, тем более, что этому есть неплохие прецеденты, в том числе – и в недавнем прошлом. Надежду на это вселяют официально объявленные в наших странах «лингвистическими» два последних года: в 2009 г. прошел Год русского языка в Китае, а в 2010 г. – Год китайского языка в России.

Список литературы

ДВГУ. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.

Еланцева О. П. Е. Г. Спальвин как библиотекарь Восточного института // Первый профессиональный японовед России. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. 188 с.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. 352 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 3. СПб., 1902. Т. 19.

Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Вост. лит., 2005. 295 с.

¹⁷ Русский язык за рубежом, 2008. № 6. С. 17.

¹⁸ Также в ноябре 2008 г. «Русские центры» были организованы в Армении, Бельгии, США [Русский язык за рубежом, 2008. С. 17].

Lensen G. A. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Sophia University, Tokyo, 1968. 294 p.

Purchas S. Hakluytes Posthumus or Purchas his Pilgrims, Containing a History of the World in Sea Voyagers and Land Travels by Englishmen and Others. L., 1625. Vol. 1–4.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2011

Petr E. Podalko

**«CHINESE FACTOR» IN THE SYSTEM OF EDUCATION
OF RUSSIAN ORIENTALISTS AND DIPLOMATS**

The article considers several aspects of formation of Russian orientalists – Japan and China specialists – during pre-revolutionary period. The peculiarity of Russian-Chinese relationship lied in the absence of «war precedent»: unlike most modern state borders, the boarder between Russia and China was not formed as a result of military operations, but was created by means of negotiations and due to certain diplomatic efforts from both sides. This situation has always made human factor invaluable, and it still is. It embraces human resources policy and education of comprehensive specialists able to turn from scientists into diplomats, and from diplomats into teachers, or journalists, as well as to combine several different functions in their professional activity.

Keywords: Russia, Japan, China, Oriental studies, Oriental Languages.